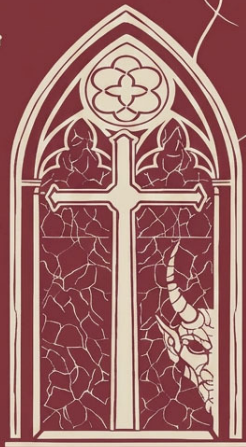

ФРЕДЕРИК СУЛЬЕ

Мемуары Дьявола

Том 2

Фредерик Сулье
Мемуары Дьявола. Том второй
Серия «Магистраль. Главный тренд»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74575581
ISBN 978-5-04-256530-4

Аннотация

Второй том мистического романа «Мемуары дьявола».

В Тулузе Луицци начинает экспериментировать со своей силой. Дьявол раскрывает ему тайны домов, которые он посещает, но каждое откровение имеет цену. Барон узнает о двойной жизни маркизы дю Валь и тайнах семейства Дилуа, однако его неосторожные действия запускают цепочку роковых событий.

Содержание

Глава I	5
Глава II	14
Глава III	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Фредерик Сулье

Мемуары Дьявола

Том второй

Frédéric Soulié

LES MÉMOIRES DU DIABLE

© Трынкина Е. В., перевод на русский язык, 2025

© Пахсарьян Н. Т., статья, комментарии, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Глава I

Новый договор

Луицци очнулся в комнате, предоставленной ему господином Бюре; рядом с постелью горела лампа, у изголовья сидел слуга.

Прошло довольно много времени, прежде чем барону удалось собрать воедино осколки воспоминаний. Понемногу причины его бедственного положения восстановились в памяти или, вернее, представились ему как кошмарный сон, в реальность которого он отказывался верить. Луицци приподнялся на своем ложе, чтобы осмотреться, и почувствовал страшную слабость. Заметив повязки на руках, он понял, что ему пускали кровь, и, смутно припомнив, на какой высоте было окно, в которое он умудрился вывалиться, удивился, как вообще остался жив; затем ему в голову пришло подозрение, что он, наверное, сломал себе что-нибудь. Пошевелив поочередно всеми конечностями, барон прислушался к ощущениям в суставах и сочленениях и с облегчением обнаружил, что все цело.

После самообследования Луицци вернулся к размышлениям об ужасной сцене, свидетелем которой он стал и страш-

ную развязку которой хотел предотвратить. Прикованный к постели слабостью и болью, он начал искать глазами какой-нибудь предмет, за который мог бы зацепиться, или кого-нибудь, к кому мог бы обратиться с просьбой. Тогда он и обнаружил находившегося в комнате слугу.

Этот шалопай крайне легкомысленно относился к несомненно данному ему поручению наблюдать за малейшими движениями больного, ибо целиком погрузился в чтение какой-то газеты и при этом беспрестанно покусывал ногти, отличавшиеся необычайной красотой. Некоторое время Луицци изучал его, но так и не припомнил такого среди прислуги господина Бюре. Наглый и беззаботный вид бездельника определенно не понравился барону. Впрочем, больные, словно женщины, терпеть не могут, чтобы окружающие занимались чем-нибудь, кроме них. Раздражение Луицци перешло чуть ли не в гнев, когда этот лакей, подленько ухмылявшийся и тихонько насвистывавший какой-то мерзкий мотивчик, вдруг принялся похохатывать:

– Ну и умора! Вот это да!

– Похоже, вам попалась весьма забавная статейка! – с яростью прорычал Арман.

Лакей покосился на Луицци:

– Судите сами, господин барон: «Вчера состоялся поединок – дуэль между господином Дилуа, торговцем шерстью, и господином Шарлем, его молодым приказчиком. Последний, получив пулю в грудь, скончался сегодня утром. Всякие

домыслы о причине ссоры отпали сами собой после внезапного отъезда госпожи Дилуа».

– Великий Боже! – Луицци бросило в жар. – Шарль убит! Лакей продолжал как ни в чем не бывало:

– «Полагают, что предположения жены одного известного в нашем городе нотариуса о том, что госпожа Дилуа не чувствовала интимных отношений с юным Шарлем, недалеко от истины».

– Что! Так и написано? – ошеломленно переспросил Луицци.

– О, это еще не все, – рассмеялся лакей. – Слушайте дальше: «Десять часов вечера. Нам стало известно о происшествии еще более трагическом. Только что маркиза дю Валь покончила с собой, выбросившись с верхнего этажа своего дома. В этом самоубийстве есть странное обстоятельство, которое необъяснимыми узами связывает его с событиями вокруг госпожи Дилуа, а именно записка, найденная в сжатом кулаке маркизы. Вот несколько строчек из нее: „Этот А. – подлец; он не сдержал данного тебе слова и все разболтал. Он погубил меня... И тебя... Тебя! Бедная, бедная моя Люси! Какое горе...“ И подпись: „Софи Дилуа“. Все задаются вопросом, кто же сей подлец, обозначенный инициалом А. То ли это имя, данное при крещении, то ли фамилия. Удивляет также обращение на „ты“ между женщинами, принадлежавшими к различным слоям общества, ибо они не знали друг друга и даже в детстве не могли быть близкими

подругами по пансиону, так как маркиза до замужества не покидала дома матери (урожденной графини де Кремансе), а госпожа Дилуа воспитывалась из милости бедной пожилой женщиной, принявшей ее в дом чуть ли не в младенческом возрасте».

Ужас и оцепенение не отпускали Луицци несколько минут. Софи Дилуа, Люси, Генриетта, госпожа Бюре – все эти женщины, словно привидения в белых одеяниях, витали вокруг него.

«Я убил одну и позволил убить другую...» – думал он; как будто чей-то неземной голос подсказал ему эту фразу, и он повторял и повторял ее про себя.

Барон растерянно оглядывался вокруг, не в силах двинуться с места; не было на свете человека, с кем он мог бы поделиться тем, что только что узнал; и в полном отчаянии Арман протянул к небу молитвенно сложенные руки:

– О, боже мой! Боже! Что же делать?

Едва он произнес эти несколько слов, как лакей вдруг пре-
большо шлепнул его по пальцам.

– Это что еще такое? – возмутился слуга. – Вы перебегаете к врагу при первой же опасности? Это недостойно ни француза, ни дворянина!

– А-а, Сатана, так это ты...

– Да, я.

– Кто тебя звал, холоп?

– Как кто? Ты ведь хотел знать историю госпожи Дилуа и

маркизы.

– Ты отказался рассказывать мне о них.

– Вовсе нет; я только отложил свою повесть на неделю, которая уже прошла.

– Значит, я валяюсь здесь...

– Уже двое суток.

– А что с Генриеттой?

– Не торопись, хозяин. Ты все узнаешь, но в свое время¹.

– Неужели Феликс убил бедняжку?

– Если бы он ее убил, то поступил бы разумно – оба избавились бы от мучений; особенно Генриетта, в глубине души она уже устала от роли, которую продолжала играть из самолюбия.

– Как ты можешь такое говорить? Она дышала любовью, которая никому и не снилась!

– Э нет, хозяин! Она уже не любила Леона и, по правде говоря, не любила его никогда.

– Ты, нечистый, готов облить грязью все, что угодно!

– Вовсе нет, и объясню почему: Генриетта обожала не Леона, а любовь, которую к нему испытывала. Этот юноша встретился ей как раз вовремя, когда ее душа готова была распахнуться, вот он и стал воплощением ее прекрасных грез; он оказался рядом тогда, когда ее сердце пылало жела-

¹ Ты все узнаешь, но в свое время. – Здесь обращение Сатаны с Луицци напоминает отношения между Жаком и его хозяином в романе-диалоге Д. Дидро «Жак-фаталист и его хозяин» (1773), который был впервые издан в 1796 году и переиздан в 1828 году.

нием сплестись с кем угодно, лишь бы найти опору. Но Леон вряд ли был достоин той страсти, которую породил; я очень сомневаюсь, что он понял бы ее, если бы только оказался способен осознать всю силу этой любви. Леон давно забыл и думать о Генриетте, считая ее умершей; он женился, обзавелся парочкой отпрысков, которых назвал Нини и Лоло, потихоньку лысеет и быстро наращивает брюшко; он не прочь пропустить пару стопочек и вздремнуть после обеда; совсем недавно он полностью обанкротился и потерял все свое состояние. Если бы Генриетте позволили ввериться Леону, она настрадалась бы куда больше, чем в могиле, ибо в могиле умерли бы только ее надежды на неземное счастье, а в жизни ей пришлось бы пережить утрату всех самых святых чаяний и веры в любовь².

В голосе Сатаны послышалась горечь, и Луицци пристально всмотрелся в него, словно захотел проникнуть в самые сокровенные мысли демона:

– Ты считаешь несчастьем – потерять веру и надежду?

– То было бы бедой для Генриетты – вот и все, что я имел в виду. Терпеть не могу общие теории, из которых выводят абсолютные принципы, – они так же хороши, как униформа. Это все равно что ты судил бы о маркизе дю Валь по поведению госпожи Бюре – ведь обе они отдались мужчине после

² ...пережить утрату всех самых святых чаяний и веры в любовь. – Ф. Сулье в данном случае опережает своих современников в описании пошлой перспективы брака, полагает французский комментатор.

пары часиков общения...

– О, кстати! Так правда, что Люси умерла? И газета не врет?

– Нет. Все верно.

– И это я убил ее?

– Ты спустил курок заряженного ружья.

– Она была в незавидном положении?

– О, в весьма и весьма незавидном! – ухмыльнулся Сатана. – Я кое-что расскажу тебе, и тогда суди сам...

– О, только не сейчас, – простонал Луицци, – только не этим вечером. Как-нибудь потом...

– Нет, барон, ты меня выслушаешь, ведь я предупреждал; раз уж ты требовал откровенности, то, будь милостив, терпи до конца.

– Знаю, но неужели нельзя увильнуть от этой обязанности?

– Ну, если ты дашь мне несколько монеток из того кошелька...

– По месяцу моей жизни?

– О нет! Из-за такой мелочи я не стану лишать тебя удовольствия послушать рассказ о причиненном тобою же зле.

– Ты же видишь, нечисть, у меня нет сил слушать.

– Я дам тебе их, сколько захочешь.

– Я накроюсь подушкой, я заткну уши!

– Это для меня не преграда.

– Умолкни, Сатана, умоляю; я готов слушать твои душе-

щипательные истории, но только не сейчас.

– А что толку говорить, когда раны зарубцуются и сердце оправится от удара? Рассказ имеет смысл, пока один страдает, а другой лечит. Я что, раб тебе и должен повиноваться беспрекословно? Разве ты не знаешь, что тот, кто нанимает убийцу, сам оказывается в его власти? Ты купил услуги Дьявола, а потому принадлежишь ему!

Произнеся эти слова, Сатана, чей облик несколько затерялся в полумраке комнаты, вдруг приобрел черты властителя ада и улыбнулся той прекрасной и пугающей улыбкой, что вызывает сожаление у самого Господа Бога, напоминая о прошлом величии милого и нежно любимого ангела, которого он был вынужден наказать и который оставил в его божественной душе незаживающую рану от невозможности когда-нибудь даровать ему прощение.

Жалкий и дрожащий Луицци не вынес этой улыбки; она ввинчивалась ему в сердце, словно зазубренный шуруп, разрывающий плоть при вращении.

– Смилуйся, – всхлипнул он, – я выслушаю тебя, когда захочешь.

– Хорошо, но учти – момент я выберу сам. А что ты мне за это дашь?

– Месяц моей жизни.

Дьявол расхохотался:

– Ты, верно, уверен, что в твоей мошне полно монет, раз так гордо кидаешься ими.

– Боже! Боже мой! – возопил Луицци, шаря под подушкой в поисках своей жизненной кассы.

Найденный кошелек показался ему почти пустым.

– Что, я так близок к смерти?

– Э-э, насчет будущего мы не договаривались, а потому мне нечего тебе ответить! Вот о прошлом... О прошлом я расскажу с удовольствием.

И совершенно непринужденным тоном он начал:

– Госпожа дю Валь, которую ты угробил...

– Ну хватит, довольно... – простонал Луицци.

Ужасный вихрь закружился в голове Луицци, кровь стучала в висках, бледные, изможденные призраки толпились вокруг него. Рассудок покидал барона, но страх перед безумием пока еще был сильнее страха перед смертью, и он выдохнул:

– Ладно, бери, только оставь меня в покое.

Дьявол схватил кошелек и открыл его; Луицци, увидев поспешность Сатаны, хотел было вырвать обратно драгоценные монеты, но не смог и пошевелиться; он видел, как пальцы Сатаны скользнули внутрь и вытянули одну монетку. В ту же секунду ледяной холод объял сердце Армана, жизнь его остановилась, и больше он ничего не чувствовал.

Пробило три часа.

Глава II

Дилижанс

Возвращение к жизни

Пробило три часа; Луицци почувствовал, как его дернули за ногу и грубый мужицкий голос рявкнул:

– Эй ты, быстро давай в экипаж!

Луицци проснулся в какой-то убогой комнатушке; он спрыгнул с кровати, ощущая себя совершенно здоровым и полным сил. Барон растерянно оглянулся: его кошелек и колокольчик лежали на столе; но где он? Почему его будят? Он открыл окошко. Стояла холодная ночь. В просторном дворе запрягали дилижанс. К Арману вернулись воспоминания, и прежде всего о новой сделке с Дьяволом. Он понял, что находится не у господина Бюре и не в Тулузе. Зима еще продолжалась, но та ли зима? Или минуло уже много зим?

Луицци взял огарок свечи, который ему только что принесли, и первым делом всмотрелся в маленькое зеркальце, висевшее на гвозде над небольшим комодом из орехового дерева. Его лицо почти не изменилось, если не считать от-

росших бакенбардов. «Сколько же времени отнял у меня Дьявол?» – подумал Луицци.

– Быстрее, быстрее! Все в экипаж! – крикнул тот же человек, который разбудил Армана.

Затем он снова появился на пороге:

– Как? Вы еще не одеты? Вы же торопились больше всех! Даю вам пять минут: не будете готовы – пеняйте на себя.

Луицци машинально оделся; он прекрасно отдавал себе отчет, что в его жизни произошел какой-то необъяснимый разрыв, но инстинктивно понимал, что не должен высказывать удивления. Вошедший слуга подхватил саквояж Луицци; барон последовал за ним, пообещав себе внимательно наблюдать за происходящим и действовать смотря по обстановке. В непроглядной темноте Луицци, поднимаясь в дилижанс, заметил только, что в нем находились еще двое мужчин и одна женщина; все так укутались в шали и одеяла, что было непонятно, чем они дышат.

В ту пору еще было принято спать в дороге, это считалось так же естественно, как теперь – пообедать в пути³. Едва пассажиры расселись по местам, как подали сигнал к отправлению. Сегодня привыкшие к путешествиям люди мало переживают, если приходится прерывать обед, – они дожевывают на ходу, а десерт рассовывают по карманам; тогда же опыт-

³ *В ту пору... в пути.* – Этот пассаж воспроизводит начальное описание из очерка Ф. Сулье «Физиология путешественника». Такие «физиологические очерки» на тему путешествий были популярны в конце 1830-х и в 1840-х годах.

ные путники могли, не просыпаясь, встать и перенести свой сон в карету, чтобы продолжить его в пути. Для Луицци это было благом, ибо давало ему возможность спокойно поразмыслить.

Сколько же времени прошло? Как получилось, что он, богатый и привыкший к роскоши человек, оказался в обыкновенном дилижансе? Куда и откуда он едет? Вопросы так мучили его, что он решил разрешить их с помощью того, кто мог это сделать. И он достал колокольчик и звякнул им один раз. Почти тут же рядом с ним уселся Дьявол в облике едущего по делам приказчика; Луицци показалось даже, что он видел, как у постоялого двора этот тип поднимался на империал. Он распознал Сатану только по особенному блеску зрачков в глазных впадинах.

– Это ты? – спросил он. – Сколько времени ты отнял у меня, бес?

– Всего-навсего полтора месяца. Как видишь, я не обо-брал тебя до нитки. Я поступил как ловкий делец. Сначала прикинулся верным компаньоном, а потом ограбил при первом удобном случае. Смотри – я тебя предупредил, так что держись настороже.

– И как же я прожил эти шесть недель?

– Хм... Как обычно, – пожал плечами Дьявол.

– Что я делал?

– Я не собираюсь рассказывать тебе о твоей собственной жизни.

– Как? У меня не будет ни единого воспоминания об этих неделях?

– Ты можешь узнать о них от кого угодно, но только не от меня.

– А к кому ты посоветуешь обратиться?

– О, это не мое дело.

– Скажи хотя бы, где я сейчас нахожусь?

– В дилижансе королевской почтово-пассажирской службы.

– Куда я еду?

– В Париж.

– Где мы в данный момент?

– В одном лье от Кагора⁴.

– А почему я еду в дилижансе?

– Это уже твоя история, и я не могу ничего сказать по этому поводу.

– Но, в конце концов, не могу же я жить, не зная своего прошлого!

– Что ж, придумай его.

– Прошрое?

– Ну да! Ведь нет ничего проще! Большинство людей так и делают – и ты знаешь это лучше, чем кто-либо! Помнишь ту игривую и резвую малышку-актрису, в которую ты имел глупость втюриться по уши? У тебя была тысяча удобных случаев, чтобы стать одним из тысячи ее любовников; но ты

⁴ Кагор – город на севере от Тулузы в департаменте Ло.

все прохлопал, потому что любил ее всем сердцем. Когда ты наконец очухался от своей нездоровой страсти, то вдруг увидел, что, по мнению твоих друзей, эта женщина давно уже твоя; они и вообразить не могли, что ты настолько неуклюж, что не довел дело до конца. Ты посмотрел на себя со стороны, нашел себя смешным, понял, что эта артисточка по меньшей мере три раза назначала тебе свидания и что она принадлежала тебе по праву, а значит — и на самом деле; ты позволил окружающим думать что угодно, затем и сам стал думать то же, а сегодня ты убежден, что так оно и было; эта женщина теперь числится среди побед, которыми ты любишь прихвастнуть, ведь так?

Луици весьма уязвил краткий, но наглядный урок Дьявола, тем более что он не мог спорить о чувствах, в которых чертовски хорошо разбирался его собеседник, а потому ограничился только еще одним вопросом:

— Разве она не была бы моей, если бы я того пожелал?

— Разве горячо любимая мужчиной женщина уже принадлежит ему? Такого не случится ни разу из десяти тысяч интрижек. Женщины, как правило, отдаются тем, кто любит их не настолько, чтобы трепетать перед ними. Я не знаю и двух женщин, которые стали бы любовницами обожающих их мужчин; потом они плачутся, что их то и дело обманывают. А ведь это только их собственный промах; женщины применяют оборонительную тактику, грубую или величественную, но препятствующую только тем, кто воспринимает их

всерьез. Женщина, которая, вместо того чтобы позволить взять себя, осмелится отдаться сама, была бы самым совершенным созданием, а также и самым любимым. Но подобная женщина – лишь прекрасное исключение из правил.

– Мессир Сатана, – сказал Луици, почувствовав вдруг совершенно неожиданную уверенность в себе. – Из всех причин, что вынудили Вседержителя низвергнуть вас в преисподнюю, ваша склонность к теоретизированию не была ли одной из первых?

– Между нами говоря, – добродушно ответил Дьявол, – других причин просто не существовало.

– У меня возникло острое желание последовать его примеру.

– И конечно, за тот же грешок?

– Да-да, за твое нескончаемое пустословие. Плетешь черт знает что.

– Э нет, не за это, а за то, что мои слова тебя не устраивают: вот если я начну рассказывать о последних шести неделях твоей жизни, ты будешь слушать развесив уши.

– Но я ведь так ничего и не узнаю?

– Похоже, у тебя слишком мало воображения, чтобы придумать себе подходящее прошлое. Даже последний деревенский остолоп – и тот смышленей тебя. В этом дилижансе едет некий господин де Мерен; он из хорошей семьи, но в Берлине его поймали за руку при нечестной игре и упрятали на три года в кутузку, где он подружился со старым француз-

ским пронырой, который шпионил в Индии в пользу Наполеона⁵. Наслушавшись рассказов сокамерника, бывший шулер выучил их наизусть, до малейших деталей: и как он оказался в Индии, где насвершал множество славных подвигов во славу императора, и как он вернулся в Европу; теперь господин де Мерен собирается явиться в парижском свете так, словно он только-только прибыл из Калькутты. В данный момент мошенник вынашивает идею издания в двух томах in-8⁶ «Индийских мемуаров». Ставлю на кон наш договор против чего тебе угодно – этот человек в ближайшие пятнадцать лет станет членом Академии наук, и за заслуги в области географии его наградят орденом.

– Рад за него, – хмыкнул Луицци, – но этому проходиму не грозит в любое мгновение встретить настоящего первопроходца из Индии, который уличил бы его во лжи. Я же постоянно рискую оказаться рядом с якобы знакомым мне человеком.

– Именно это с тобой сейчас и происходит.

– Как?

– Все в дилижансе знают твоё имя, а вот тот толстяк имеет полное право называться твоим другом.

– И, без всяких сомнений, они заговорят о том, что мы

⁵ ...шпионил в Индии в пользу Наполеона. – Историки подчеркивают, что именно при режиме Наполеона развилась с особой силой система политического шпионажа – как за пределами страны, так и в самой Франции.

⁶ Ин-октаво, то есть в одну восьмую листа. – *Примеч. перев.*

делали, например, вчера?

– Обычное дело; вы, люди, только этим и заняты – болтаете о дне вчерашнем, чтобы восполнить его пустоту и ничтожность, или о прекрасном будущем и нимало не заботитесь о дне сегодняшнем; да, так вы все и существуете, называя это жизнью; и лучшее доказательство моих слов в том, что ты прожил полтора месяца самым обычным образом, а тебе кажется, что ты был мертв все это время, только потому, что не можешь вспомнить, чем занимался.

– Но как мне отвечать моим попутчикам? – Луици встретился не на шутку.

– Поистине, ты жалок!

– Ну в самом же деле, ну будь же милостив! Хочешь, я отдам тебе еще несколько дней будущей жизни – лишь бы узнать, что я делал совсем недавно!

– Болван!

– Это ты о ком?

– О себе! Не будь я таким тупицей, я бы правильно определил границы человеческой глупости; сейчас я ясно вижу, что если бы только пожелал, то хапнул бы за бесценок всю твою жизнь, мой мальчик.

Раздосадованный Луици умолк; тишина – лучший советчик, и Арман подумал: «Черт подери, если все эти ничтожества могут смутить меня фактами из моего прошлого, которого я не знаю, то и я могу при случае поставить их в неловкое положение, узнав о кое-каких тщательно скрывае-

мых ими грешках! Что ж, придется столкнуться с ними лицом к лицу, как и подобает отважному человеку, получившему вызов от записного дуэлянта: и, вместо того чтобы защищаться, я покажу им острие шпаги, всегда готовое проткнуть их, если они вздумают сделать неосторожный выпад. Я уже знаю о господине де Мерене вполне достаточно для того, чтобы он был заинтересован в моем молчании. Продолжим разведку, и тогда увидим, кто кого будет больше стесняться!»

Луицци не произнес всего этого вслух, но Дьявол тут же откликнулся:

– Довольно разумно для представителя людского племени, а тем более для барона; так с кого мне начать?

– Да хотя бы вот с этого храпящего борова, которого ты записал в мои друзья.

Глава III

Портреты

Шутник. Бывший нотариус⁷

Дьявол, бесцеремонно положив ноги на противоположную полку, начал:

– Фамилия этого храпуна Гангерне; подобные типы встречаются каждому хотя бы раз в жизни: невысокий, плотный толстяк с прямыми короткими волосами, низким лбом, серыми глазами, сплюснутым носом, круглыми щечками; шея плавно переходит в плечи, плечи – в пузатую утробу, из которой растут ноги; он катается, как шарик, беспрерывно хохочет и жизнерадостно вопит, при встрече подкрадывается сзади и закрывает вам глаза, спрашивая: «Кто?»; этот шутник просто обожает выдернуть из-под вас стул в тот момент, когда вы вознамеритесь сесть, или стащить у вас носовой платок, как раз когда вы соберетесь высморкаться; короче, он из тех людей, что с невинным нахальством заявляют в ответ на

⁷ Эта глава была опубликована впервые в «Пресс» 30 декабря 1837 года под заголовком «Гангерне, смешная история».

ваш справедливый гнев после их проделок: «Ну как, здорово я пошутил?»

Господин Гангерне родом из Памье⁸, где и проживал безвыездно вплоть до недавнего времени. В его шутовском арсенале полным-полно разнообразных штучек и фокусов. Он может незаметно привязать к колокольчикам на воротах кусочек мяса, так что все окрестные бродячие псы устраивают вокруг него соревнования по прыжкам в высоту, поднимая слуг по десять раз за ночь. Он весьма понаторел в искусстве подмены вывесок: однажды он снял вывеску парикмахера и, распилив ее, присоединил к вывеске соседа. Получилось: «Господин Робло, прокат экипажей и самых модных париков!» На следующий день, а вернее, ночь, он содрал с дерева афишу кукольного балагана и приклеил ее над входом в аптеку, и наутро весь славный город Памье хохотал до упаду над результатом его проделки: «Господин Ф..., фармацевт, клоун из Парижа!»

В округе господин Гангерне пользуется еще большим почетом, чем в городе. Он знает, как состричь щетину с щетки и ловко подкинуть ее в постель лучшего друга, так что тот звереет от чесотки и через четверть часа выскакивает из кровати. Просверлив отверстие в перегородке, он пропускает в

⁸ *Господин Гангерне родом из Памье...* – Памье – город в департаменте Арьеж, расположенном в Средних Пиренеях. В первой публикации описание Гангерне было сделано от имени автора, а не Дьявола, содержало несколько обращений к читателям, слова «я познакомился с ним в Ренне» и некоторые другие детали, которые в книжном издании Сулье снял.

него веревочку, искусно цепляет ее за одеяло и, когда ничего не подозревающий сосед засыпает, потихоньку тянет за веревочку, пока не стащит одеяло на пол; продрогшая жертва (а Гангерне выбирает для подобных фокусов холодные и сырые ночи) просыпается, подбирает одеяло, тщательно в него закутывается и уходит в безмятежный сон, а весельчак опять повторяет все сначала, раздевая догола бедолагу, который, замерзнув и ничего не понимая спросонок, начинает ругаться в одиночестве, и тут через дырку до него доносится насмешливый возглас: «Ну как, здорово я придумал?»

Если же Гангерне встречает одного из тех зануд, чье напыщенное выражение лица так и напрашивается на розыгрыш, то это для него просто праздник. Например, пока его избранник спит, он втихоря тащит его одежду, затем зауживает и сшивает все рукава и штанины; утром он внезапно будит свою жертву и приглашает срочно идти на охоту. Бедняга никак не может влезть в панталоны, а Гангерне все потопрапливает его:

– Бог мой, как же вы медлительны! Что с вами, дорогуша? Э-э, да ведь у вас ноги распухли!

– У меня?

– Чудеса, да и только!

– Вы так считаете?

– Не знаю, может, я ошибаюсь... Но одевайтесь же, нас ждут. Впрочем, все подтвердят, что вас разнесло, как беременного!

– Но я не могу никак одеться.

– Ну и раздуло же вас... А-а, знаю: это приступ скоротечной водянки!

Все продолжается до тех пор, пока Гангерне не насмеется до колик и не признается: «А здорово я вас разыграл, да?»

Из огромного числа его проделок одна мне кажется особенно безобразной. Он вздумал позабавиться над человеком, который славился своим бесстрашием, но тем не менее перепугался самым позорным образом.

Уютно устроившись в постели, этот господин вдруг почувствовал в ногах что-то холодное и липкое; нащупав ногой продолговатое и круглое туловище, он схватил его рукой: то была змея, свернувшаяся в клубок; он вскочил, завопив от ужаса и отвращения, и в этот момент в дверях появился лучезарный Гангерне:

– Анекдот, да и только! Неужели вы испугались? Это же всего-навсего кишка из угриной кожи, набитая!..

В яростном негодовании человек переломал бы шутнику все кости, но Гангерне ловко окатил его водой из ведра и убежал с громким жизнерадостным криком: «Здорово! Вот это, я понимаю, подловил!» Хозяева дома сбежались на возникший шум и едва успокоили оцепеневшую жертву розыгрыша, объяснив, что без этого неистощимого на выдумки очаровашки-затейника они погибли бы от скуки, особенно в деревне.

Берегитесь его, барон; он из тех невыносимых созданий,

что бесцеремонно вламываются в чужую жизнь, переворачивая неуклюжими лапами все ваше счастье и грусть, подобно настырному псу, который не вовремя лезет в игру в кегли. Они еще несноснее собак, не говоря уж о том, что от них труднее избавиться; они так и норовят подстеречь малейшее движение вашей души, чтобы всласть над ним поиздеваться; эти весельчаки тем опаснее, что одинаково любят выставлять на смех и злейших врагов, и лучших друзей; и почти всегда они делают вас сообщниками своих розыгрышей над другими, так как вы тоже получаете от них удовольствие. А потому, когда подловят вас, вы не найдете у окружающих никакого сочувствия, точно так же, как и вы не испытывали ни к кому жалости. Вы останетесь наедине со своим нелепым гневом, если только вообще сможете сердиться.

Среди людей этой породы встречаются и совершенные пошляки, которые в конце концов теряют всякое к себе уважение, так как в их репертуаре только давно избитые, дрянные шуточки. Просунуть башку в подвальное окошко сапожника, заклеенное бумагой вместо стекла, и спросить, не здесь ли живет министр финансов или архиепископ; протянуть веревку поперек лестницы, чтобы устроить соседям непрошеную, но зато бесплатную возможность прокатиться на заднем месте; разбудить посреди ночи нотариуса, передав последнюю просьбу умирающего о срочном составлении завещания, хотя клиент мирно почивает и находится в добром здравии, и тысяча других дешевых розыгрышей; все это

недостойно настоящего мастера, и Гангерне сознает это лучше кого бы то ни было.

Поэтому на его личном счету числятся оригинальные изобретения, принесшие ему немалую славу. Одно из них, поистине остроумное, он осуществил в загородном доме на многолюдном приеме. Среди приглашенных дам Гангерне проявил особое расположение к тридцатилетней красотке, которая, однако, была помешана на парижской изысканности и краснорожему толстяку предпочитала романтично-бледного юношу, на вид, впрочем, довольно тупоумного. Напрасно Гангерне пытался выставить его в смешном свете перед своей избранницей; она приписывала неловкость юноши его поэтической отчужденности, а легковёрность — вполне уважительному прямоту. Однажды вечером все разошлись спать после ее бурных похвал в адрес бледного юнца, которые Гангерне перенес с терпением, не предвещавшим ничего хорошего. Через полчаса из гостиной первого этажа на весь дом раздался жуткий вопль: «Пожар! Горим!» Мужчины и женщины устремились на крик в полураздетом или, если угодно, в полуодетом виде. С лампами и подсвечниками в руках они гурьбой ворвались в гостиную и что же увидели? Гангерне безмятежно развалился в кресле. Он ничего не ответил на раздраженные расспросы, но, властно схватив за руку бледного юношу, подвел его к прекрасной даме и торжественно произнес:

«Позвольте представить вам ночной колпак, в груди кое-

го бьется самое пылкое и романтическое сердце нашего времени».

Все покатались со смеху; красotka же так и не смогла простить этого ни Гангерне, ни ночному колпаку.

Тем не менее месть вовсе не является целью фокусов Гангерне; на первое место он всегда ставит искусство высмеивания как таковое. Прежде чем поведать тебе историю, которая покажет этого любителя пошутить в его истинном свете, я хочу поведать о розыгрышах, которыми он больше всего гордится.

Так вот: в городе Памье он жил напротив уважаемой буржуазной четы, владевшей небольшим домиком. По воскресеньям супруги обедали и играли в пикет у одного из родственников, жившего довольно далеко; начинали они с небольшо-го стаканчика пунша, закусывали кукурузным пудингом в сахарном сиропе, вволю запивали все это немалыми дозами пенистого белого вина из Лиму⁹; в результате почтенная парочка возвращалась домой, перебивая пение икотой и натываясь на все углы.

В одно роковое воскресенье они кое-как приковыляли к своему порогу; отсчитав десять шагов от соседской калитки (именно это расстояние они обычно преодолевали, прежде чем попасть наконец домой), супруги остановились. Муж долго рылся в карманах, пытаясь достать ключ; наконец

⁹ *Лиму* – город в департаменте Од (Лангедок), славящийся производством белых виноградных вин.

ключ нашелся, и начались поиски замка, но его на месте не оказалось.

«Где этот чертов замок?» – проворчал муж.

«Да-а, славное было вино! Ты сегодня явно переусердствовал, господин Ларке, – уколола его женушка. – Где ты ищешь замок? Перед нами еще соседская стена».

«И правда, – согласился господин Ларке, – пойдем дальше».

Они поплелись вдоль стены, пока не наткнулись на ворота соседа слева; держась за стенку, пошли обратно и опять пришли к калитке соседа справа. Добрые люди всерьез обеспокоились состоянием своего рассудка, не понимая, как это они умудрились допить до такого умопомрачения. Они продолжили поиски собственной двери, но от калитки справа снова попали к воротам слева. «Куда, к бесу, провалилась наша дверь? Кто спер нашу дверь?» Почтенных обывателей обуял страх: неужто они совсем рехнулись? Опасаясь насмешек над честными буржуа, которые никак не могут найти собственную дверь, они еще битый час ползали вдоль стены, измеряя, щупая и осматривая ее; но никакого даже намека на дверь так и не обнаружили – перед ними выросла неведомая и неумолимая преграда, которая ввергала их в полное отчаяние. Тогда-то они и завопили от неподдельного ужаса, призывая на помощь; наконец сбежавшиеся на жуткие крики соседи обнаружили, что дверь аккуратно замурована и оштукатурена заново, и в тот момент, когда они задались во-

просом, кто же сыграл с достопочтенной четой такую злую шутку, Гангерне высунулся из окошка, через которое он в компании с несколькими такими же завзятыми шутниками с превеликим удовольствием наблюдал за тщетными усилиями господ Ларке, и проверещал собравшейся толпе свою вечную присказку:

«Это только шутка!»

«Но ведь они чуть не спятили!»

«Ба! Подумаешь, дело какое! Зато мы всласть повеселились!»

Королевского прокурора попросили повлиять на отношение Гангерне к юмору, и нашему фигляру пришлось несколько дней провести в кутузке, несмотря на его искусную самозащиту, которая состояла в беспрерывном повторении одной-единственной фразы:

«А здорово я пошутил! Не правда ли, господин судья?»

При всем его тщеславии Гангерне не может похвастаться всеми своими проделками; есть одна, авторство которой он будет отрицать всегда, ввиду того что ее творцу обещали оторвать уши, если только удастся его найти. Эта проделка, впрочем, была спровоцирована пренебрежением к его персоне в некоем престижном аристократическом салоне. Речь идет не более и не менее как об одной известной даме благородного происхождения, которая принимала у себя самые что ни на есть сливки общества славного города Памье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.